

тажа. Именно поэтому местная администрация выступила инициатором введения и всецело поддерживали действие ст. 344 Учр. Сиб., предоставлявшей иностранцам право осуществлять каботажные рейсы между российскими портами. Также потребности растущего российского гражданского флота на Дальнем Востоке не позволяли российской администрации долгое время ввести правила серьезно ограничивающие применение азиатского труда на российских судах, что также не соответствовало общеимперскому законодательству.

Итак, «особые права иностранцев» на Дальнем Востоке России выразились в режиме допуска к горной добыче и каботажу.

Эти промыслы были запрещены иностранцам на территории всей России, но периодически разрешались на востоке империи.

В. П. ШАХЕРОВ

СИБИРСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Российско-китайская торговля, несмотря на взаимовыгодный для обеих сторон характер, была ограничена территориально и хронологически. Она имела черты пограничной меновой торговли и была сосредоточена в одном пункте — Кяхте. Основной промен продолжался в течение всего нескольких месяцев с ноября по март. Представители крупного капитала неоднократно делали попытки к расширению торговых связей с китайским государством, искали новые рынки сбыта. Во второй половине XVIII в. в их среде возникли различные проекты установления торговых отношений с государствами Юго-Восточной Азии: Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, а на Американском материке с испанцами и американцами. Еще Г.И. Шелихов стремился установить морскую торговлю с Китаем через Кантон, а затем подобные попытки неоднократно предпринимала Российско-Американская компания.

Огромный китайский рынок, предъявлявший повышенный спрос на пушнину, был значительным фактором, стимулирующим освоение новых промысловых территорий на северо-востоке Сибири, островах Тихого океана и северо-западном побережье Америки. С середины XVIII в. обширные территории тихоокеанского и американского севера были включены в зону воздействия российского капитала, а позднее и политического влияния Российской империи. С 1741 по 1799 гг. было совершено 110 плаваний на острова Тихого океана, а общий промысел частных компаний составил до 8 млн р. (*Алексеева Е.В. Русская Америка.*

Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 21). С 1799 г. все заокеанские владения были переданы под управление Российско-Американской компании, объединившей все частные промысловые компании на Тихом океане. Следует признать, что выбранная модель освоения русских колоний в Новом Свете по аналогии с соответствующими колониальными компаниями Англии, Франции, Голландии, действующими от имени и при поддержке своих государств, была в целом удачной. Русско-Американская компания активно выходила на мировые океанские рынки, расширяя экономическое пространство Азиатской России на огромный, стратегически и экономически очень важный для России северо-тихоокеанский регион. Однако, ресурсов для того, чтобы удержать эти территории и хозяйничать на океанских путях в условиях жесточайшей конкурентной борьбы с более развитыми европейскими державами и США, у компании было явно недостаточно. А переживающее кризис крепостнической системы государство не могло поддержать все ее начинания.

В развитии торговых связей с Японией особую заинтересованность проявляли иркутские купцы. Еще с середины XVIII в. в городе было введено преподавание японского языка в местной навигационной школе. В начале 1790-х гг. в группе иркутских купцов и чиновников возник проект установления торговли с Японией. В сентябре 1791 г. появился именной указ «Об установлении торговых отношений с Японией». Поводом послужило желание Екатерины II вернуть на родину группу японских моряков, потерпевших кораблекрушение у российских берегов. Экспедиция отправлялась от имени иркутского генерал-губернатора, видимо, для того, чтобы не уронить престиж императрицы. Несмотря на то, что Япония уклонилась от подписания дипломатических и торговых договоров, российским купцам было позволено приходить в порт Нагасаки и производить торговлю.

Полученные результаты вызвали в правительстве противоречивые оценки. Екатерина II ожидала большего и в ряде писем не скрывала своего разочарования его итогами. Тем не менее, по ее распоряжению началась подготовка новой экспедиции в Японию. «Торгующее в Иркутске и по Северо-Восточному океану купечество, — доносил императрице Э. Лаксман, — весьма желает... осенью будущего 1796 года... снарядить мореходное купеческое судно и отправить оное из Охотска в Нагасаки. Особливо же из числа онога Степан Киселев, Алексей Полевой и Влас Бибииков» (*Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 517*). Лишь смерть основных вдохновителей проекта Г.И. Шелехова, Э. Лаксмана и самой Екатерины II помешала реализации планов иркутян.

В 1796 г. Мыльниковы с группой иркутских купцов разработали проект дальнейшего развития торговых отношений с Японией. Любопытно, что замыслы Шелихова об объединении разрозненных капиталов были неплохо усвоены иркутянами. Их проект предполагал создание единой тор-

гово-промышленной компании для морской торговли на Южных Курилах и Японии, так как «разные компании, торгуя одинаковыми товарами, делают одна другой подрыв». Эти планы так и остались на бумаге, но в итоге их обсуждения появилась возможность создания объединенной компании иркутских купцов-промышленников, во главе которой встал Н.П. Мыльников с сыновьями. Так в начале 1796 г. возникла Иркутская коммерческая компания, ставшая предтечей будущей Российско-Американской компании.

Таким образом, наибольшую активность в реализации планов проникновения на азиатские и тихоокеанские рынки проявляли иркутские предприниматели. Именно в их среде возникают планы переноса торговых операций на внутренние рынки Монголии и Китая. Интересен в этой связи проект создания компании на паях для организации и отправки в Пекин купеческих караванов, поданный в 1793 г. группой купцов (ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 205. Л. 9–25). Начальный капитал устанавливался в 200–400 тыс. р. Составление каравана, закупка лошадей и повозок, наем работников должны были осуществляться в Иркутске. Считая, что кяхтинская торговля все более и более становится зависимой от китайской стороны, которая в основном привозит в Кяхту товары «совсем избыточны и коих с рук в другие места не могут сбыть», компаньоны предлагали закупать в Пекине и вывозить в Россию такие необходимые стране предметы, как драгоценные металлы, сырье для промышленных предприятий (шелк-сырец, ремень, сахар и т.п.). Предполагалась даже промышленная переработка некоторых видов сырья. Так, планировалось в Иркутске или близь него строительство сахарного завода, для чего авторы проекта испрашивали государственные привилегии.

В 1798 г. на рассмотрение Государственного совета поступили прошение и ряд записок иркутского купца Ф. Щегорина, неоднократно бывавшего в Китае и хорошо знакомого с организацией китайской торговли. Без ложной скромности он сам это подчеркивал: «Быв дважды в Пекине, скажу, что едва ли кто лучше меня сию коммерцию знает во всей Российской империи, да и вся Европа точных сведений о том не имеет» (*Архив Государственного Совета. СПб., 1888. Т. 2. С. 764*). Подробно рассмотрев состояние российской и китайской коммерции, он отдавал предпочтение последней и предлагал преобразовать торговлю России по образцу и правилам китайской. К лучшим сторонам китайской торговли он относил организацию их компаний, стремление изучить российский рынок, поддерживать высокие цены на свои товары, не променивать их на дорогие и ненужные вещи, а также на такие, которые производят в самом Китае. Несмотря на негативную в целом оценку бумаг Щегорина, некоторые мысли иркутянина нашли отражение в правилах Кяхтинской торговли 1800 г. Личность Ф. Щегорина оказалась малоизученной в исторической литературе. Между тем это был один из интереснейших представителей нового поколения сибирских предпринимателей.

В начале XIX в. правительство попыталось предпринять практические шаги по реализации требований кяхтинских торговцев. При отправке в 1803 г. посольства Ю. Головкина в Китай, ему поручалось среди прочих поднять вопрос о разрешении торговли по всей пограничной линии, а также об открытии для российского купечества Кантона. Цинские власти, как известно, не приняли российского посольства и на долгое время эти очень важные для китайского торгового диалога проблемы исчезли из дипломатического диалога России с Пекином. Боясь осложнений на Востоке, правительство занимало в отношении Китая нерешительную, уступчивую позицию. «Не только погрозить, — писал об отношениях с Пекином М. М. Сперанский, — но даже показать вид недовольства мы здесь не смеем и должны терпеть все унижения не только хладнокровно, но даже с улыбкой» (*Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 204*).

В середине XIX в. наступает новый этап в борьбе купечества за расширение китайского рынка. В этот период торговля с Китаем оказалась в состоянии кризиса. В условиях острой конкурентной борьбы с англичанами и голландцами за преобладание на китайском рынке, Россия с ее отсталой меновой формой торговли, к тому же ограниченной лишь одним пунктом, испытывала серьезные затруднения. Вновь появляются проекты и записки о преобразовании кяхтинской торговли, раздаются голоса о необходимости возродить караванную торговлю. Характерен в этом отношении проект кяхтинского купца И. Носкова, предлагавшего организовать специальную «Кяхтинскую» компанию для переноса торговых операций на территорию соседнего государства. Согласно его планам в сфере деятельности компании оказывалась значительная территория, включающая Монголию, Даурию Маньчжурию и всю Северо-Восточную Азию (*ГАЗК. Ф. Р-1661. Оп. 1. Д. 2. Л. 144–155*).

Убыточная торговля привела к тому, что многие кяхтинские торговые дома из-за расстройств своих дел оказались не в состоянии платить пошлины и были вынуждены брать необходимые суммы под залог, в том числе у казны. Обеспокоенное нарастающим кризисом русско-китайской торговли и ростом казенных долгов, русское правительство приняло ряд мер по облегчению положения кяхтинских чаеоторговцев. В 1854 г. было разрешено отпускать китайцам в обмен на чай серебряные изделия с условием, чтобы стоимость их не превышала трети стоимости мануфактурных и половины стоимости пушных товаров. Еще через год последовало разрешение относительно частной торговли на деньги, а в 1861 г. было дозволено вывозить и ввозить золото и серебро без всякого ограничения. В марте того же года русское правительство уменьшило пошлину с китайского чая, а уже в октябре разрешило свободную беспошлинную торговлю в Кяхте и в Забайкалье. Еще ранее к китайскому торгу были допущены купцы второй и третьей гильдий, а затем

и крестьяне. Все эти меры способствовали усилению позиций сибирских предпринимателей, которые стали играть ведущую роль в торговых операциях России и Китая. Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспошлинную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города «Поднебесной».

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Законом от 12 июня 1900 г. отменялась судебная общеуголовная ссылка в Сибирь (за исключением каторги) и существенно ограничивалась административная. Поскольку ссыльные этой категории составляли приблизительно 85% от всей массы ссылаемых, то это избавило регион от массового наплыва уголовного элемента. С другой стороны, власть признала неэффективность хозяйственного освоения территории за счет «штрафной колонизации». Самодержавие сделало ставку на организацию крестьянских переселений в Азиатскую Россию.

Ссылка на каторжные работы с последующим поселением отбывших срок наказания осталась. В системе наказаний Российской империи, как поясняли специалисты из Министерства юстиции в начале XX в., «под именем каторжных работ разумеется сложное прогрессивное наказание, построенное из трех главных ступеней. В основу первой из них положен тяжелый принудительный труд и суровый строй тюремной жизни. Обе меры воздействия, с одной стороны — должны иметь значение устрашающее, так как причиняют наказанному лишения и физические страдания; с другой стороны — они должны исправить преступника, дисциплинируя его, приучая к порядку и отучая от праздности. По мере достижения исправления преступника, ослабляются и меры воздействия на него. С переводом наказанного на жительство вне тюремной ограды, а затем на поселение наступают вторая и третья ступени, имеющие назначение подготовить преступнику постепенный переход от подневольного существования к свободной жизни в том крае, содействовать колонизации которого он призван» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 106. Л. 142). Поэтому даже в последней по времени редакции «Устава о ссыльных» (1909 г.) предписывалось ссыльнокаторжан отправлять «в рудники, на заводы и другие работы в Сибири». Экономическая же целесообразность применения принудительного труда постоянно сокращалась. По